

В тот самый день и час, когда Ленин взял в России власть, родился скульптор, лучше которого Ленина не лепил никто.

Лев  
Кербель:

# За членов Политбюро МНЕ ПЛАТИЛИ по 2 000 рублей

Знаменитый скульптор делал с натуры бюсты Сталина, Гагарина, Фиделя Кастро и членов Политбюро

**В** ТОТ САМЫЙ день и час, когда Ленин взял в России власть, родился скульптор, лучше которого Ленина не лепил никто. Лениным поверяя и жизнь свою, и творчество, Лев Ефимович в отличие от советской власти еще полон сил.

- Я родился, правда, далеко от революции, хотя и одновременно. В село, где жили мои родители, как раз ворвался Петлюра, евреев стал резать, а у украинца, у которого мы снимали квартиру, были огромные двухметровые бочки из-под меда. И он мою мать, которая вот-вот должна была родить, туда спрятал. Там она меня и родила.

- А как вы, Лев Ефимович, пришли к тому знаменитому образу Ленина, который после вас все стали копировать?

- Когда в двадцать четвертом году умер Ленин, были дикие морозы, и дед, и мать приходили заиндевелившие и заплаканные... Гудки фабрик и паровозов... Это на меня сильнейшее впечатление произвело. Потом к нам пришла «Красная нива», там на обложке Ленин лежал в гробу. И я вдруг попробовал перерисовать. А приятель отца и говорит - как здорово получается!

- По легенде, вас Крупская определила в вашей профессии.

- Я сам себя определил. Меня однажды учительница математики выгнала из класса, потому что я на уроке под партой лепил портреты вождей. Но директор меня любил, верил в меня, и я получил направление от обкома комсомола и поехал к Крупской. Как скульптор молодой. Она была заместителем наркомпроса по учебным делам. Прихожу, а у нее Исаак Бродский сидит. Познакомьтесь, говорит, это наш великий художник, директор Академии художеств в Ленинграде. И он по просьбе Крупской взял меня с собой. Так я стал скульптором.

- Вы Сталина никогда не лепили?

- Он никому не позировал, а я люблю с натуры лепить.

- А посмертную маску Сталина разве не вы делали?

- Маску Томский делал. Я лепил просто портрет, стоя рядом с его гробом в Колонном зале. Видите? Вот он... У меня потом его забрали и два года не отдавали.

- А ведь он у вас улыбается.

- И правда... Говорит - эх вы, чудаки. Все обгадили, что я сделал. Боялись его, а сейчас никто ничего не боится.

- А скольких вы Лениных сделали, не помните?

ста тысяч шестьдесят я отдал долги.

- А которые на съездах стояли статуи Ильича - это тоже ваша работа?

- На двадцать седьмом съезде - моя.

- Во сколько вам сейчас мастерская обходится?

- Дорого. Все я за свой счет теперь должен делать. Даже рабочим я сам плачу, и то еле-еле, а они, голодные, за любую цену готовы работать, с Украины приезжают. А у меня уже деньги кончаются.

- На что будете жить, когда кончатся?

- Буду продавать что-нибудь.

- Старые работы?

- Старые работы пока никто не покупает. Вот «Суворов в Альпах» сделал.

- Это кто у вас заказал?

- Хотят заказать наши и подарить австрийцам к двухсотлетию смерти Суворова. Но ни там денег нет, ни тут. Я как вице-президент Академии художеств получаю миллион пятьсот старыми - мне на один день хватает. Ведь семья семь человек. Старые запасы на сберкнижке я не беру, пока новый год не наступит. Чтобы проценты шли.

- А «новые русские» вам заказов не делают?

- Нет, они в основном покупают всякие такие занятные штучки... Мои студенты на этом зарабатывают бешеные деньги, ездят в Германию, в Америку, хотя некоторые совсем лепить не умеют. Но такие вот каракатицы, то, что отвлекает от подлинного искусства, - это они могут.

- А Сталин хвалил вас?

- А вы как думали? Моя серия дважды Героев Советского Союза началась с того, что первого моего дважды Героя увидел Сталин и сказал: вот такие скульптуры нам и нужны. И я, счастливый человек, им всем бюсты слепил, всем членам Политбюро. И они приходили сюда, позировали, как штык. За дважды Героев платили тысячу, а за членов Политбюро - две. Но они ведь выбирали скульптора-то. Требовали сначала фотографии работ. И почти все выбирали меня. Черненко ко мне хорошо относился. Он меня на своем самолете в Красноярск возил, к себе на родину. Замечательный человек, добрый, хороший. И в ЦК меня часто вызывали, советовались со мной. Да я и сейчас член Президентского совета.

- Зюганова вы еще не лепили тогда, в советское время?

- Нет.

- А сейчас бы согласились?

- Если будет ближе к народу.

- Эрнст Неизвестный был вашим учеником. Вы его помните?

- Да он не считает меня учителем. Он был талантливым копировальщиком, натуралистом. Очень умный и начитанный, но страшный сукин сын.

- Но скульптор ведь хороший.

- Да, но то, что он сейчас делает, «Древо жизни» и другое, - это ж на дурака. На моду. Модернизм. Мне тоже сегодня ночью приснилась одна современная композиция. Буду, наверное, делать...

- Вы же все время соцреализмом занимались.

- Я занимался реализмом, а не соцреализмом. Я делал историю. Книга может сгореть, а когда вы ставите монумент... Первые памятники были поставлены еще в одиннадцатом веке до нашей эры. Вы же не читаете ни черта про искусство. А модерн, который мне мелькнул, он на реалистической основе.

- А Христа не приходило в голову слепить?

- Дойдет, может быть, и до него. Все время мешаешь вы! Вы знаете, что у меня за два дня шесть корреспондентов? Всем отказал. Когда мне семьдесят первый год пошел, у меня нет времени. Потому что медленно двигаюсь. Башка уже с восьмидесяти лет перестает быстро работать...



Лев Кербель с Никитой Сергеевичем.

Беседовал  
Михаил РЫБЬЯНОВ.